

Взаимоуважение в отношениях ученых в период политического противостояния

Сьюзан Витфилд

На английском языке существует много литературы, посвященной англо-русским отношениям в период вражды и противостояния, широко известный под названием как «Большая игра». Гораздо менее изучен этап, последовавший за ним. При этом возникает общее впечатление, что дух соперничества был характерен и для сферы культуры, что подтверждается словами Б. Дэвидсона о «международной гонке за памятниками древности»¹. Так ли это, или это отголоски политического соперничества влияют на наше восприятие культурных связей между великими державами и учеными, их представлявшими?

Данная статья не ставит целью всесторонне исследовать эти взаимоотношения. В ней всего лишь приводится обзор документов, хранящихся в архивах Великобритании и относящихся к экспедициям начала XX в., а именно: официальных записей и писем представителя Великобритании в Кашгаре Джорджа Макартни и материалов выдающегося английского исследователя Аурела Стейна². В отличие от большинства статей настоящего сборника, которые основываются на материалах российских архивов, автор намеревается взглянуть на проблему «со стороны». Очевидно, дальнейшее серьезное исследование этой темы потребует более глубокого систематического изучения архивных и прочих источников.

Scholarly Respect in an Age of Political Rivalry

Susan Whitfield

Much has been written in English about Anglo-Russian relations during the era of hostility and competitiveness now commonly known as 'The Great Game', but relations following this period have been less well reported. Yet the general impression given by writers is that competitiveness also characterised the cultural sphere, exemplified by B. Davidson's phrase, 'the international race for antiquities'.¹ Is this accurate or is the political rivalry colouring our interpretation of the ensuing cultural relationship between the imperial powers and their scholars?

This paper does not aim to achieve a comprehensive study of this relationship but instead to give a snapshot of the archives in Britain relating to explorations in the early twentieth century, namely the political diaries and letters of George Macartney, the British representative in Kashgar, and the papers of Aurel Stein, the foremost British explorer.² This is in contrast to most of the papers here which are based on Russian archives and it is thus intended to provide a viewpoint 'from the outside'. Obviously any serious research on this topic would require a much more systematic study of both sets of archives and other sources.

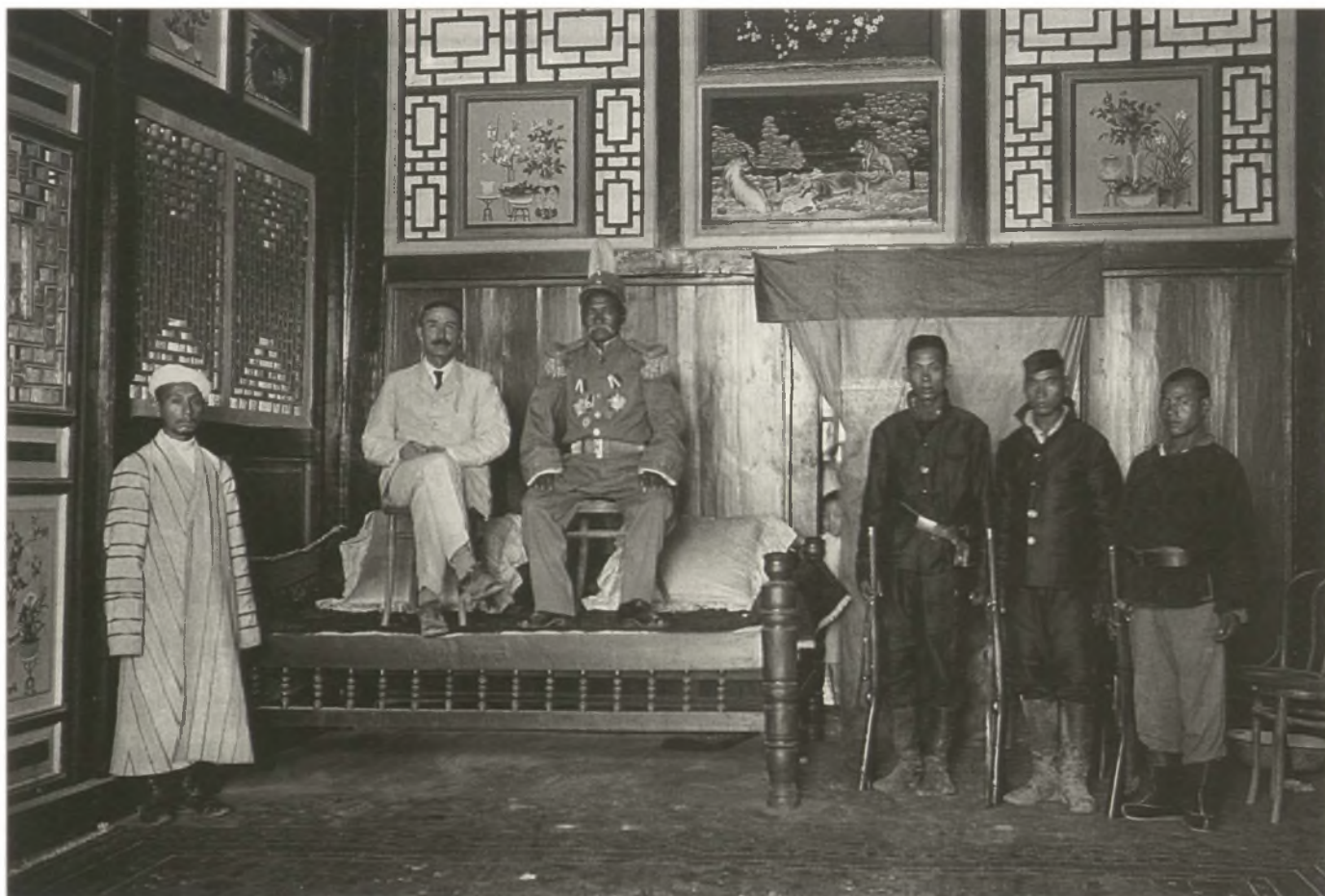
A good starting place for this discussion is the 12th International Congress of Orientalists held in Rome in October 1899. This was the key academic event for scholarship in this area and therefore the obvious forum for Klementz to announce

¹ Davidson B. *Turkestan Alive*, 1957; цит. по: Hopkirk, P. *Foreign Devils on the Silk Road*. Oxford, 1980, p. 3.

² Дж. Макартни, как и все другие британские дипломаты, был обязан каждые две недели представлять «дневник» и перечень событий. Эти документы, в настоящее время хранящиеся в фонде Департамента по делам Индии Британской библиотеки (L/P&S/7/66–253), были использованы для настоящей статьи (см. ниже). Большая часть документов и писем А. Стейна, имеющих отношение к данной теме, находится в Отделе западных рукописей Библиотеки Бодли в Оксфорде (MS. Stein 1–458) (см. ниже). Дневники Макартни послужили основным материалом для книги К. Скрайна и П. Найтингейл: Skrine C.P., Nightingale, P. *Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese, and Russian Archives in Sinkiang, 1890–1918*. Hong Kong, 1987. Архивом Стейна пользовались оба его биографа (См.: Mirsky J. *Sir Aurel Stein: Archaeological Explorer*, Chicago and London, 1977; Walker A. *Aurel Stein, Pioneer of the Silk Road*, London, 1995). Но никто из них не рассматривал его взаимоотношения с русскими учеными.

¹ Davidson, B. *Turkestan Alive*. 1957, quoted in: Hopkirk, Peter. *Foreign Devils on the Silk Road*. Oxford, 1980, p. 3.

² Macartney, like the other British representative, submitted a fortnightly 'diary' and a news archive. These are now available in the India Office Records at the British Library (L/P&S/7/66–253), hereafter referred to by this reference. The largest collection of Stein papers and correspondence relating to his work is held in the Department of Western Manuscripts, Bodleian Library, Oxford, under MS. Stein 1–458, and hereafter referred to by this reference. The diaries of Macartney were the basis for: Skrine, C.P., Nightingale, P. *Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese, and Russian Archives in Sinkiang, 1890–1918*. Hong Kong, 1987. Stein's papers have been used by both his biographers (Mirsky, J. *Sir Aurel Stein: Archaeological Explorer*. Chicago and London, 1977; Walker, Annabel. *Aurel Stein, Pioneer of the Silk Road*. London, 1995) but neither focus on his relations with the Russians.



*Дж. Макартни и генерал Ма в Кашгаре. 1918.
Фото Ф.М. Бейли. Британская библиотека*

*G. Macartney and General Ma at Kashgar. 1918.
Photograph by F.M. Bailey. British Library*

Ярким началом в обсуждении проблемы является XII Международный Конгресс востоковедов, состоявшийся в Риме в октябре 1899 г. Это было важное событие в истории востоковедения и достойный форум для Д.А. Клеменца, где он мог рассказать о находках фрагментов буддийской живописи и рукописей в Турфане, на северном ответвлении Шелкового пути. С этого сообщения началось плодотворное археологическое исследование и научное изучение региона, продолжавшееся в течение двух десятилетий.

Д.А. Клеменц, хранитель Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге, был одним из многих русских исследователей Центральной Азии. О существовании в регионе буддийских памятников он узнал от соотечественника Иоанна Альберта Регеля, посетившего Турфан в 1879 г. Регель и его современники основные усилия сосредоточили на исследованиях в области картогра-

his finds of fragmentary Buddhist paintings and manuscripts from Turfan on the northern Silk Road. It marked the start of almost two decades of extension and fruitful excavations and scholarship in the region.

D.A. Klementz, Keeper at the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) in St. Petersburg, was one in a long line of Russian explorers to this region. He had been alerted to the existence of Buddhist sites by a fellow countryman, Ioann-Albert Regel, who had visited Turfan in 1879. But Regel and his contemporaries focussed on cartographical, geographical, zoological and botanical pursuits, and not on archaeology. Even the intrepid Swedish explorer, Sven Hedin, who had already made several forays into the Taklamakan by this time, was not greatly interested in digging. Klementz was therefore the first to make more than a cursory note about archaeological sites and more than a ran-

фии, географии, зоологии и ботаники, а вовсе не археологии. Раскопки не привлекали даже отважного шведского путешественника Свена Гедина, который к тому времени совершил несколько путешествий в Такламакан. Д.А. Клеменц, следовательно, стал первым, кто сделал довольно подробное описание археологических объектов и чьи находки имели не случайный характер. Его доклад привлек внимание европейских ученых к востоку Центральной Азии, представив его как регион, перспективный для археологических исследований.

Перед Конгрессом Д.А. Клеменц посетил Музей народо-ведения в Берлине и ознакомил немецких коллег со своими записями и некоторыми находками. Среди этих ученых был Альберт Грюнведель (1856—1935), заведующий Отделом Индии Музея народо-ведения, также принявший участие в Конгрессе в Риме. Русский академик В.В. Радлов сделал на Конгрессе доклад об экспедиции Д.А. Клеменца, уделив особое внимание обнаруженным ею рукописям. В материалах Конгресса отмечалось, что его сообщение было встречено с большим интересом³.

Это упоминание о рукописях, обнаруженных в Синьцзяне, не было единственным. В 1890-е гг. некий Ислам Ахун предложил русскому генеральному консулу и представителю Великобритании в Кашгаре купить рукописи и ксилографы, найденные, как он утверждал, в древних городах, затерянных в песках пустыни к северу от его родного города Хотан. Продавец был настойчив, искусно используя дух соперничества двух своих покупателей. Документы были написаны письмом, напоминавшим индийское *брахми*, но на незнакомом языке, и вскоре два ведущих исследователя того времени занялись их дешифровкой. Приобретение британского представителя было отослано в Калькутту А. Хёрнле, бывшему ректору Университета в Калькутте и президенту Бенгальского Азиатского общества. Над рукописью, доставленной в Россию, начал работать С.Ф. Ольденбург. Хёрнле опубликовал первое сообщение об этих и некоторых других рукописях в 1897 г. в «*Journal of the Asiatic Society of Bengal*», а в своей статье 1899 г. он рассматривал большее количество рукописей и опровергал мнение скептиков, полагавших, что они могут быть не столь древними, как он считал⁴. В том же году С.Ф. Ольденбург сделал доклад на Конгрессе в Риме о рукописях, хранящихся в России. Кроме того, све-

³ См.: *Actes du douzième Congrès international des Orientalistes*, 3 volumes, Florence 1901, а также аннотацию Л. Женевезе на сайте IDP: Proceedings of the 12th International Congress of Orientalists, Rome, October, 1899 (http://idp.bl.uk/pages/education_research.a4d#3).

⁴ Hoernle A.F.R. Three Further Collections of Ancient Manuscripts from Central Asia, *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, vol. 66 (1897), pp. 213–260.

⁵ Hoernle A.F.R. A Report on the British Collection of Antiquities from central Asia. Part I, *Journal of the Asiatic Society of Bengal* (1899, extra no).



А. Стейн во время первой
центральноазиатской экспедиции. 1900.
Библиотека Венгерской Академии наук, 3/6(2)

A. Stein on his first Central Asian expedition. 1900.
Library of the Hungarian Academy of Sciences, 3/6(2)

dom collections of finds, and his report was to galvanise European scholars to focus on Eastern Central Asia as a region rich in archaeological promise.

Klementz visited scholars at the Museum of Ethnography in Berlin before the Congress and showed his reports and a selection of finds to German colleagues, including Albert Grünwedel, Director of the Indian Section of the National Ethnological Museum, who also went to Rome. At the Congress it was another Russian, V.V. Radloff, who reported on Klementz's expedition, and most especially the manuscript finds. It is reported in the conference proceedings that his presentation was greeted with enthusiasm.³

³ See the *Actes du douzième Congrès international des Orientalistes* (3 volumes, Florence 1901) and Lia Genovese's summary on IDP's website, "Proceedings of the 12th International Congress of Orientalists, Rome, October 1899" (http://idp.bl.uk/pages/education_research.a4d#3).

дения о происхождении этих рукописей также получил капитан Дизи, британский офицер, в то время путешествовавший в Синьцзяне⁶.

Делегаты Конгресса с воодушевлением встретили доклады и охотно поддержали предложение В.В. Радлова о создании Международной ассоциации для изучения Центральной и Восточной Азии. Русские и немцы, конечно, еще до Конгресса обсудили вопрос финансирования совместных экспедиций. Но делегаты разъехались по своим странам, а к экспедиции оказался почти готовым венгерский ученый средних лет, протеже Хёрнле, А. Стейн. Он проживал в Калькутте, где в конце 1898 г. после Хёрнле стал ректором университета. Стейн намеревался начать путешествие без участия европейских компаньонов или сотрудников, хотя без определенного сотрудничества такое путешествие или исследование не было возможно. При этом, несмотря на все прекрасные слова, сказанные в Риме, Стейну предстояло убедиться в том, что ситуация на месте в Кашгаре далека от идеальной.

Марк Аурел Стейн (1863—1942), родившийся в Будапеште, получил европейское образование. Он учился в Венгрии, Германии и Англии и в 1887 г. занял пост директора Восточного колледжа в Лахоре, в Британской Индии. Он изучал индо-иранские языки, и его образование предполагало владение несколькими европейскими языками, включая прекрасное знание французского, немецкого и английского, наряду с родным венгерским. При этом он не знал русского языка. Подготовленная им публикация о «Раджатарангини», династийной кашмирской хронике XII в., была представлена на Конгрессе востоковедов в Париже в 1897 г. Хёрнле и получила благожелательные отзывы. Хотя А. Стейн и находился вдали от Европы, в Индии, он имел все возможности получать сведения о находках рукописей в 1890-е гг. Он использовал свое пребывание в Лахоре для того, чтобы изучать выдающуюся коллекцию искусства Гандхары в местном музее, а в свободное время совершенствовал мастерство археолога и фотографа и посещал древние буддийские памятники.

В 1898 г. он подал прошение о предоставлении ему отпуски и о финансировании экспедиции. Сведения об экспедиции Клеменца он использовал как довод в свою пользу: «Я хотел бы также отметить, что после того, как мои намерения уже определились, стало известно, что Российская Императорская Академия наук готова направить трех ученых для исследования Турфана (на юге Китайского Туркестана), где были обнаружены древние рукописи». Упоминание о русских было не просто политической хитростью. Когда в начале 1899 г. его предложение было принято, Стейн вновь говорит о своих опасениях в одном из частных писем: «Я по-



Ислам Ахун. 1901.

Библиотека Венгерской Академии наук, 7/2(87)

Islam Akhun. 1901.

Library of the Hungarian Academy of Sciences, 7/2(87)

This was not the only report on manuscript finds from Xinjiang. During the 1890s the Russian Consul-General and the British Representative in Kashgar had been offered manuscripts and blockprints said by the seller, Islam Akhun, to have been found at ancient cities in the desert sands north of his native city of Khotan. The seller was very persuasive and traded on the sense of competition between the two men so ensuring a lively trade. The documents were in a script resembling Indian Brahmi but in an unknown language and soon two of the leading scholars of the time were busy trying to decipher them. The British cache was sent to Calcutta to A. Hoernle, former Principal of the Madrassa in Calcutta and President of the Asiatic Society of Bengal. S.F. Oldenburg started work on the Russian ones. Hoernle published a first report about these and some other manuscripts in the *Journal of the Asiatic Society of Bengal* in 1897,⁴ but in his 1899 article he considered a

⁴ Hoernle, A.F.R. "Three Further Collections of Ancient Manuscripts from Central Asia." *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, 66 (1897), pp. 213–260.

⁶ Deasy H.H.P. *In Tibet and Chinese Turkestan*. London, 1901, p. 149.

прежнему очень хотел бы сохранить предприятие в секрете насколько это возможно, так как всегда существует опасность, что русская экспедиция будет послана в том же направлении, а ненужные слухи могут заставить их отправиться в путь»⁷. После Конгресса в Риме Д.А. Клеменц, С.Ф. Ольденбург и Н.И. Веселовский опубликовали «Записку о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима», в которой они указали, что экономическое и торговое развитие региона повлечет за собой беспощадное разрушение археологических памятников. Но никакой русской экспедиции намечено не было. 31 мая 1900 г. А. Стейн направился в Кашгар, заручившись поддержкой Макартни, но будучи куда как менее уверенным в сердечном приеме со стороны Н.Ф. Петровского.

Н.Ф. Петровский был назначен русским Генеральным консулом в Кашгаре в 1882 г. и с самого начала предполагалось, что он будет сдерживать британское влияние в регионе как в политической, так и в экономической сфере⁸. Дж. Макартни, который прибыл в Кашгар в 1890 г. в качестве переводчика миссии Янгхазбенда, не имел аналогичного дипломатического статуса вплоть до 1909 г. Две великие державы не избавились от традиций «Большой игры», и отношения между этими двумя людьми были натянутыми, даже когда дело касалось якобы спортивных, научных или археологических интересов их соотечественников. Это стало совершенно очевидным, когда в Кашгар прибыл британский офицер капитан Дизи с исследовательской целью. Дизи не распространялся о своих истинных намерениях, но, конечно же, одной из причин, по которой британских офицеров отправляли в путешествия, был сбор разведывательных данных, включая сведения о путях сообщения.

У России было явное стратегическое преимущество перед Великобританией в Восточном Туркестане: по Транскаспийской железной дороге можно было добраться до Ташкента (позже до Андижана) и затем через сравнительно легкодоступный проход попасть в Кашгар, а, кроме того, русские контролировали Западный Памир силами Памирского отряда. Другой путь с севера (он часто находился под контролем России) — по железной дороге и судоходным рекам — вел в долину реки Или, в Урумчи, главный город провинции Синьцзян. Для Великобритании доступ сюда ограничивался лишь высокогорными перевалами со стороны Британской Индии, причем многие из них были доступны только в течение нескольких месяцев в году, да и тогда, когда условия позволяли, они были очень трудны для перехода. В то время маньчжурские правители теряли власть над Китаем, и ситуация в Синьцзяне не входила в число их первостепенных забот. Многие полагали, что провинция вскоре окажется в руках русских. Властям было просто некогда заниматься учеными.

⁷ Письмо А. Стейна Эндрюсу от 11 января 1899 г. (MS. Stein 36).

⁸ Hopkirk P. *The Great Game*. Oxford, 1990, p. 434.

larger batch and answered skeptics who suggested they might not be as old as alleged.⁵ In the same year Oldenburg reported on the Russian manuscripts to the Congress in Rome. Meanwhile, Captain Deasy, a British Officer then traveling in Xinjiang, was also hearing reports about their provenance.⁶

The delegates at the Congress were enthused by the reports and readily accepted Radloff's proposal to establish an International Association for Central and East Asia Exploration. The Russians and Germans, of course, had already discussed the idea of sponsoring joint expeditions. But as the delegates dispersed back to their home countries a middle-aged Hungarian scholar and protégé of Hoernle was already well-advanced in his preparations for an expedition to the region. Stein was based in Calcutta where he had succeeded Hoernle as Principal of the Madrasa in late 1898. Although he planned to travel without any other European companions or involvement, no travel or scholarship could be carried out without some collaboration and, despite the fine words in Rome, Stein was to find that the situation on the ground in Kashgar was far from ideal.

Marc Aurel Stein (1863–1942), born in Budapest, was a product of European scholarship. He had studied in Hungary, Germany and England, in 1887 he accepted a post as Principal of the Oriental College in Lahore, in then-British India. His field was Indo-Iranian studies and his background meant that he had a number of European languages, including excellent French, German and English, along with his native Hungarian, but not Russian. His forthcoming publication on the *Rājatarāṅgiṇī*, a twelfth-century chronicle of the kings of Kashmir, had been presented to the 1897 Congress of Orientalists in Paris by Hoernle and received a favorable reception. Although remote from Europe, in India Stein was ideally placed to hear of the manuscript finds throughout the 1890s. He had taken advantage of his location in Lahore to study the outstanding collection of Gandharan art at the museum and of his periods of leave to hone his archaeological and photographic skills and to visit Buddhist sites.

He submitted his application in 1898 to his superiors — asking both leave from his job and funding for the expedition — and used the fact of Klementz's expedition as leverage: 'I beg further to point out that since my plan was first formed, it has been announced that the Imperial Russian Academy of Sciences has arranged to send three savants for the exploration of Turfan (Southern Chinese Turkestan) where ancient manuscripts have been found.' The mention of the Russians was not just a political ploy. When his proposal was accepted in early 1899 Stein reiterated these concerns in a private letter: 'I am all the same anxious to keep the matter as quiet as possible as there is always a chance of a Russian expedition being sent in

⁵ Hoernle, A.F.R. "A Report on the British Collection of Antiquities from Central Asia. Part I." *Journal of the Asiatic Society of Bengal* (1899, extra no).

⁶ Deasy, H.H.P. *In Tibet and Chinese Turkestan*. London, 1901, p. 149.



*Русские офицеры
с местным чиновником
на Памире. Фото П. Сайкса. 1915.
Британская библиотека, 1042/32*

*Russian officers with
a local official in the Pamirs.
Photograph by Percy Sykes. 1915.
British Library, 1042/32*

Наука была, несомненно, движущей силой замыслов Стейна, но из-за общей ситуации в Центральной Азии он не мог оказаться вне политической игры. В то время, когда Стейн готовился к экспедиции, отношения между русским и британским представителями в Кашгаре достигли критической точки. В конце 1899 г. Н.Ф. Петровский перестал разговаривать с Макартни. При этом они входили в небольшой круг европейцев в Кашгаре, состоявший из людей одинакового социального положения, не считая караульной роты казаков, и, кроме того, жили на расстоянии менее мили друг от друга. Это создало сложную ситуацию. Действия Петровского отражали растущую напряженность в регионе, так как русские становились все более решительными и размещали войска на близлежащих территориях. Макартни только и оставалось, что наблюдать и отсылать рапорты. Как отмечал Дизи, различия в их статусе и возможностях были очевидны всем: «По сравнению с положением русского Генерального консула, положение представителя Великобритании было крайне неудовлетворительным. <...> У него не было эскорта и до 1898 г. он не имел униформы, в то время как у русского Генерального консула все это было, и он мог ездить в *ямьнь*, надев форму и знаки отличия, соответствующие его званию, в сопровождении эскорта из казаков»⁹.

А. Стейн прибыл в Кашгар 29 июля 1900 г., предварительно обменявшись письмами с Макартни относительно своего обустройства¹⁰. Он сразу же написал письмо Петровскому с просьбой принять его. Макартни упомянул о том, что за этим последовало, в одном из отчетов, отсылаемых им

the same direction and premature news might set them moving.⁷ Following the Rome Congress D.A. Klementz, S.F. Oldenburg and N.I. Veselovsky presented their 'Note on the organization of an archaeological expedition to the Tarim Basin', in which they pointed out that the economic and commercial development of the region would entail serious damage for the archaeological remains in the area. But no Russian expedition was scheduled. Stein set out on 31 May 1900 towards Kashgar, assured of help from Macartney but less certain of a cordial reception from Petrovsky.

N.F. Petrovsky had been the Russian Consul-General in Kashgar from 1882 and has been determined from the start to restrict British interests in the region, political and economic.⁸ G. Macartney, who arrived as interpreter with the F. Younghusband delegation in 1890, was not accorded an equivalent status until 1909. The two powers had not shaken off the habits of 'The Great Game' and relations between the two men were delicate even when dealing with supposedly sporting, scholarly or archaeological interests of their respective countrymen. This was made apparent when a British Officer, Captain Deasy, arrived in Kashgar keen to explore. Deasy was coy about his intentions but, of course, one of the reasons British officers were encouraged to travel was to glean intelligence, including surveying routes.

Russia had a clear strategic advantage over the British in Chinese Central Asia: they had access in by the Trans-Caspian Railway to Tashkent — and later Andijan — across a relatively easy pass to Kashgar, and they also controlled the eastern Pamir through the Pamirski Station. Another route from the north by rail and steamship led to the Yili Valley — which they

⁹ Deasy. *Op.cit.*, p. 294.

¹⁰ Письмо Макартни Стейну от 22 марта 1899 г. Сам Стейн впервые обратился с письмом к Макартни 22 января 1899 г. через Р. Хёрнле (MS. Stein 289).

⁷ MS. Stein 36, Stein to Andrews, 11 January 1899.

⁸ Hopkirk, P. *The Great Game*. Oxford, 1990, p. 434.

каждые две недели начальству в Индии и Лондоне: «Доктор Стейн вчера днем написал приветственное письмо русскому консулу, в котором просил о встрече. Господин Петровский ответил, что по причине болезни не может в настоящее время встретиться с доктором Стейном (à “l’heure qu” il est). Господин Петровский не предложил увидеться со Стейном в дальнейшем»¹¹.

Позже, упоминая этот визит в публикациях, Стейн сглаживал свое унижение: «Я был полон желания выразить свое почтение, [но Петровский] был нездоров и не смог меня принять»¹². Это было уже спустя несколько лет, когда ситуация значительно изменилась. Он не упоминал об этом факте в сохранившихся личных письмах (впрочем, некоторые из писем того времени не сохранились). При этом Стейн понимал, что не может настраивать против себя российские власти, так как намеревался посещать эти края в будущем. Во время первого путешествия у Стейна были причины, чтобы встревожиться из-за пренебрежительного отношения Петровского. Он хотел вернуться в Европу со своей экспедицией через территорию России и нуждался в поддержке Петровского. Еще более он нуждался в благожелательном отношении китайских властей к его археологическим изысканиям и знал, что Петровский может повлиять на то, чтобы их запретили. В свое время Дизи находился в затруднительном положении из-за отсутствия поддержки китайских властей, когда он проводил раскопки к югу от Хотана. В своем отчете о путешествиях, опубликованном в 1900 г., он был куда как менее дипломатичен, чем Стейн, говоря о роли Петровского: «Ему было легко отравлять умы невежественных китайских чиновников и настраивать их против ни в чем не повинных британских путешественников, и в этих усилиях он проявил себя как недалекий русский чиновник. Он распространял слухи, что правительство Индии намеревается расширить свои границы за Гиндукуш, и намекал, что я действовал как секретный агент с этой целью, как будто бы мог найтись здравомыслящий человек, советующий попытаться захватить отдаленные голые горы и песчаные пустыни»¹³.

Вначале все складывалось хорошо. 10 августа Стейн и Макартни были приглашены на обед к даотаю, главному китайскому чиновнику в Кашгаре. Но 18 августа, когда Макартни посетил *даотая* с просьбой написать местным чиновникам рекомендательные письма для Стейна, тот

had often controlled — to Urumqi, the provincial capital. British access was restricted to the high passes from British India, many of them closed except for a few months of the year and difficult terrain even then. At this time, the Manchu leaders of China were losing power and Xinjiang was far from their central concerns. There was little doubt in the minds of many that the province would soon fall into Russian hands. The men in power had little time for the concerns of savants.

Scholarship was undoubtedly the driving force behind Stein’s plans, but given the political heritage of Central Asia, he could not help but become a part of a political game. As Stein was making his plans for departure, relations between the Russian and British representatives in Kashgar reached a nadir. At the end of 1899 Petrovsky stopped speaking to Macartney. Given that, apart from the Cossack Guard, they were among of handful of Europeans in Kashgar so shared the same small social circle and, moreover, lived less than a mile apart, this was not a comfortable situation. Petrovsky’s actions reflected the growing tension in the region as the Russians grew more confident and moved troops to neighbouring areas. Macartney could do little but watch and report. As Deasy notes, the difference in their status and power was apparent to all: “Compared with the position of the Russian Consul-General, that of the representative of Great Britain appeared very unsatisfactory ... he has no escort, and, up to 1898, he had no uniform, whereas the Russian Consul-General was and is able to drive up to the *Yamen* wearing uniform and decorations becoming his rank, and attended by an escort of Cossacks.”⁹

Stein arrived in Kashgar on 29 July, 1900, having already exchanged letters with Macartney concerning arrangements.¹⁰ He lost no time in writing to Petrovsky requesting an interview and the result was noted by Macartney in his fortnightly report to his political superiors in India and London: “Dr Stein wrote yesterday afternoon a complimentary letter to the Russian Consul, in which the former requested an interview. Mr Petrovski replied that being ill he would be unable to make Dr Stein’s acquaintance for the present (à “l’heure qu” il est). Mr Petrovski did not offer to see Dr Stein on a subsequent occasion.”¹¹

In his subsequent publications on his visit Stein glided over this initial snub (‘I was particularly anxious to pay my respects, [but Petrovsky] was indisposed, and could not receive me.’¹²). But this was several years later when the situation was very different. He does not mention these matters in his extant private letters (although there are some missing from around this

¹¹ L/P&S/7/127, 1081. Датировано 1 августа 1900 г.

¹² Stein M.A. *Ancient Khotan*. Oxford, 1907, pp. 122–123.

¹³ Deasy, *Op. cit.*, p. 294. Здесь он, вероятно, был не совсем искренен: обследование пути из Хотана в Индию выполнялось им в политических интересах, даже если они и были изначально подчинены коммерческим и военным целям. См. сноску 15, а также письмо Хёрнле Стейну от 2 июля 1898 г., где сказано: «Но Вы же понимаете, что правительство не очень-то склонно тратить деньги на чисто научные изыскания» (MS. Stein 85, f. 87).

⁹ Deasy, *Op. cit.*, p. 294.

¹⁰ MS. Stein 289, Macartney to Stein, 22 March 1899. Stein first sent a letter to Macartney via Hoernle on 22 January 1899.

¹¹ L/P&S/7/127, 1081, entry dated 1st August.

¹² Stein, M.A. *Ancient Khotan*. Oxford, 1907, pp. 122–123.

заметил, что «русский консул <...> выразил опасения относительно европейцев». Макартни писал: «*Даотай* прекрасно знает, что подозрения Петровского безосновательны. Тем не менее, он побоялся дать разрешение, прямо нарушая пожелания господина Петровского»¹⁴. Но дипломатичное поведение Макартни взяло верх: он предложил компромиссное решение, снимающее ответственность с *даотая*, и необходимые письма были написаны¹⁵.

Макартни продолжал сообщать своему начальству о деятельности Стейна. Выдержки из регулярной переписки Стейна дополняют в дневниках Макартни очередные записи о передвижениях русских военных подразделений и разрешении мелких споров между индийскими (находившимися под юрисдикцией Макартни) и китайскими торговцами¹⁶. Выдержки касаются путей следования Стейна и его топографической работы, что явно относилось к сфере политики. Тем временем Стейну было дано разрешение пересечь территорию России. Новость дошла до высших эшелонов правительства Великобритании, была даже послана телеграмма от вице-короля Индии премьер-министру Горацию Уолполу¹⁷.

Действительно, ситуация улучшалась. Как отметил Макартни в своем донесении, датированном 6 января: «В течение последних двух месяцев или около того русское консульство в Кашгаре, казалось, заняло более мягкую и менее диктаторскую позицию, чем обычно, по отношению к местным властям»¹⁸. К тому времени, как Стейн вернулся в Кашгар в начале мая, произошло некоторое сближение между двумя силами. Макартни пришел к Петровскому, чтобы сообщить о своем предстоящем отпуске, и Петровский принял его. Он также принял прибывшего в Кашгар Стейна. Стейн позаботился о том, чтобы публично выразить свою признательность. И его официальный отчет об экспедиции, и менее формальные рассказы о ней одинаково эмоциональны: «Приготовления к моему предстоящему путешествию были значительно облегчены благодаря любезной помощи господина Петровского, русского Генерального консула в Кашгаре, с которым мне в связи с этим посчастливилось познакомиться. Во время своей долгой официальной службы в Туркестане господин Петровский проявил глубокий научный интерес к изучению истории и памятников этой

time). But Stein understood he could not afford to antagonise the Russian authorities as he planned future visits. On this first visit, Stein had reason to be concerned by Petrovsky's snub. He wished to return to Europe through Russian territory following his expedition and needed Petrovsky's support. More immediately he required the support of Chinese officials for his excavations and knew that Petrovsky had the power to jeopardise this. Deasy had been hampered by the lack of Chinese support in his exploration south of Khotan. He was less than diplomatic about Petrovsky's role than Stein in his account of his travels published in 1900: 'It was easy for him to poison the minds of the ignorant Chinese officials, and to set them against unoffending British travellers, and his efforts to this end showed the narrow-minded Russian official. The belief which he propagated was that the Indian Government wished to extend the Indian frontier beyond the Hindu Kush, and he insinuated for that purpose I was working as their secret agent, as if any sane man would advise an attempt to seize remote, barren mountains and sandy deserts.'¹³

Initially all seemed well: Stein and Macartney were invited to dinner with the *Taotie*, the leading Chinese official in Kashgar, on 10th August. But on 18th August when Macartney visited the *Taotie* to ask him to write letters of recommendation for Stein to local officials, the *Taotie* admitted that 'the Russian Consul ... had raised difficulties about Europeans.' Macartney writes: 'the *Taotie* knows perfectly well that Mr Petrovski's suspicions were unfounded. Nevertheless, he was afraid of giving permission in direct contravention to Mr Petrovski's wishes.'¹⁴ But Macartney's diplomacy won out: he suggested a compromise, deflecting responsibility from the *Taotie*, and the letters were duly written.¹⁵

Stein's activities continued to be reported on by Macartney to his political masters. Extracts from Stein's regular letters punctuate the usual entries on Russian troop movement and the resolutions of petty disputes between Indian merchants (under Macartney's jurisdiction) and Chinese in Macartney's diary.¹⁶ The extracts concern Stein's routes and his surveying activities, clearly areas of political interest. Meanwhile permission was granted for Stein to cross Russia, the news reached

¹⁴ L/P&S/7/127, 1141. Датировано 31 августа 1900 г.

¹⁵ Стейн имел вескую научную причину обследовать верхнее течение реки Хотан, то самое место, о котором в основном шла речь. Хёрнле обратил внимание Стейна на то, что «там были расположены пещеры, где предположительно была обнаружена рукопись "Дхармапады" на бересте, хранящаяся в Санкт-Петербурге» (MS. Stein 85, f. 92v, письмо от 22 июля 1900 г.).

¹⁶ L/P&S/7/128, 1205, 1295; L/P&S/7/129, 185, 237.

¹⁷ L/P&S/7/130, 352. Датировано 12 марта 1901 г.

¹⁸ L/P&S/7/131, 367.

¹³ Deasy. *Op. cit.*, p. 294. He is probably being somewhat disingenuous here: his surveying of this route from Khotan to India was undoubtedly of political interest, even if only to rule it out as a potential one for traders and troops. But see note 15 below. Also see Hoernle's letter to Stein, 2nd July 1898 (MS. Stein 85, f. 87): 'But you know that the government is not particularly keen to spend money on purely scientific exploration.'

¹⁴ L/P&S/7/127, 1141, entry dated 31st August, 1900.

¹⁵ There was a compelling scholarly reason for Stein to explore the upper reaches of the Khotan river, the area which was mainly under dispute. Hoernle had pointed out to Stein that this was 'where those caves are to be from which the St. Petersburg birchbark MS. of the *Dhammapada* is supposed to have been found.' (MS Stein 85, f. 92v, letter dated 22 July 1900).

¹⁶ L/P&S/7/128, 1205, 1295; L/P&S/7/129, 185, 237.

страны, в чем мне удалось в полной мере убедиться во время поучительных бесед, которые мне посчастливилось вести с ним в русском консульстве. Теперь он делает все, что в его силах, чтобы обеспечить безопасную перевозку моих археологических находок в Англию и обеспечить мне дружескую поддержку со стороны властей в Русском Туркестане¹⁹».

Однако Макартни по-другому объяснял сердечность Петровского. Макартни собирался уехать домой в продолжительный отпуск после долгого периода, когда он пытался противостоять растущему влиянию России в Кашгаре, но, как и остальные, он полагал, что сражается в проигранной битве и что Кашгария неизбежно в конце концов окажется под контролем России. Приветливое отношение Петровского было лишь отражением уверенности в своих силах. Он мог позволить себе быть великодушным к побежденному сопернику.

Петровский также собирался в отпуск на следующий год, но он не должен был вернуться в Кашгар. Его секретарь И.П. Лавров временно исполнял обязанности консула²⁰. Макартни вернулся в апреле 1904 г. вместе с женой, новорожденным сыном и няней, и таким образом почти удвоил британское население в Кашгаре. В мае Макартни написал Стейну, сообщая о серьезной болезни Петровского. В октябре С.А. Колоколов, другой его секретарь, был назначен Генеральным консулом России в Кашгаре. Для миссис Макартни это было благоприятным событием, поскольку она уже завязала дружеские отношения с женой Колоколова, с которой они могли общаться на французском языке. Великобритания объявила о назначении Макартни Генеральным консулом, с чем не согласились китайцы, которые отказались признать это назначение вскоре после его возвращения.

Тем временем Стейн завершал отчеты о первой экспедиции и намечал другую. По возвращении в 1901 г. он посетил Берлин, где консультировал А. Грюневедела, который в это время готовился к своей первой экспедиции в Восточный Туркестан²¹. В течение последующего ряда лет он договорился с несколькими учеными об участии в написании приложений к его подробному отчету, который должен был вскоре выйти, встретился с некоторыми коллегами в Пари-

the highest levels of British Government, a telegram being sent from the Viceroy of India to the Prime Minister, Horace Walpole.¹⁷

In fact the situation had been improving for all, as Macartney noted in his report dated 6 January: 'For the last two months or so, the Russian Consulate in Kashgar would seem to have adopted a milder and less dictatorial attitude than usual towards the local authorities.'¹⁸ By the time Stein returned to Kashgar in early May there was a rapprochement, Macartney had called on Petrosvsky to tell him of his forthcoming leave and Petrosvsky had received him. He similarly granted Stein an interview on his return. Stein was careful to express his gratitude publicly. Both his formal expedition report and his more popular account are effusive: 'The arrangements for my onward journey were greatly facilitated by the kind help of M. Petrovsky, Imperial Consul-General of Russia at Kashgar, whose acquaintance I was fortunate enough to make on this occasion. During a long official career in Turkestan M. Petrovsky has devoted a great deal of scholarly zeal to the study of the history and antiquities of the country, as I had ample opportunity to note in the course of the instructive interviews with which I was favoured within the Russian Consulate. He now did all in his power to ensure the safe transit of my archaeological finds to England, and to secure for me the friendly assistance of the authorities in Russian Turkestan.'¹⁹

But Macartney gives another reason for Petrovsky's new warmth. He was about to go on long home leave following a long period of trying to counter against the growing Russian influence in Kashgaria but believed, as did others, that he was fighting a losing battle and that it was inevitable that Kashgaria would come under Russian control in the end. Petrovsky's warmth was a reflection of his feeling of strength. He could afford to be magnanimous to a defeated rival.

Petrovsky also left on leave the following year, but was not to return. His secretary, I.P. Lavrov, temporarily took over.²⁰ Macartney returned in April 1904 with his wife, new son and a nanny, thus almost doubling the British population of Kashgar. In May, Macartney wrote to Stein passing on reports of Petrovsky's severe illness. Kolokolov, another secretary, was confirmed in post as Russian Consul-General in October. This was fortunate for Mrs Macartney: she had already built up a friendship with Mrs Kolokolov as they were able to converse in French. Macartney's appointment as Consul-General had been

¹⁹ Stein M.A. *Sand-Buried Ruins of Khotan*. London, 1904, p. 471; Stein M.A. *Ancient Khotan*, p. 571 (текст одинаков в обеих публикациях). Стейн также выразил признательность Петровскому за помощь в своем докладе на XIII Конгрессе востоковедов (см. примеч. 23).

²⁰ И.П. Лавров также собрал коллекцию рукописей, которые в настоящее время хранятся в ИВР РАН.

²¹ К. Мейер и Ш. Бизак также упоминают «постоянно дающего советы Стейна» (Meuer K., Vysak S. *Tournament of Shadow*. London, 2001, p. 363). Позже Стейн припишет себе заслугу в том, что именно он побудил А. Грюневедела отправиться в экспедицию и способствовал получению финансовой поддержки от немецкого правительства.

¹⁷ L/P&S/7/130, 352, 12th March, 1901.

¹⁸ L/P&S/7/131, 367.

¹⁹ Stein, M.A. *Sand-Buried Ruins of Khotan*. London, 1904, p. 471 and *Ancient Khotan*, p. 571 (the text is exactly the same in both publications). Stein also acknowledges Petrovsky's help in his report for the 13th Congress of Orientalists (see note 23 below).

²⁰ I.P. Lavrov also made a collection of manuscripts, now in the IOM RAS.



Леди Катерина Макартни с детьми
Эриком и Сильвией на балконе
Чейни-Баг, Британского консульства
в Кашгаре после его реконструкции.
Фото А. Стейна. 1916.
Британская библиотека, 392/28(212)

*Lady Catherina Macartney with
her children, Eric and Sylvia,
on the balcony of Chini-Bagh,
the British Consulate in Kashgar,
after it was rebuilt.
Photograph by Aurel Stein. 1916.
British Library, 392/28(212)*

же и сделал доклад на XIII Международном конгрессе востоковедов в Гамбурге. Среди его участников был и С.Ф. Ольденбург²². Делегаты приняли резолюцию, в которой отмечалась важность и выдающаяся ценность работы Стейна²³. Вскоре Стейн получил от В.В. Радлова, который обращался к нему как представитель РКСА и «Бюллетеня Международной ассоциации для изучения Центральной и Восточной Азии», официальный запрос о возможности организовать Британский национальный комитет. Стейн переправил запрос Хёрнле, который ответил, соглашаясь со Стейном, что у него нет никакого желания участвовать в этом деле. Хёрнле был избран членом Международной ассоциации, основанной в Риме, но его имя не упоминалось в связи с этим в Гамбурге. Хёрнле полагал, что это не было случайной ошибкой, намекая на некие закулисные игры, и продолжал далее: «Если людей не устраивает мое общество, им не нужны мои советы. Но у меня есть более веская причина, чем эта, исключительно личная. Как я понимаю, Международная ассоциация и ее бюллетень являются просто консультативными органами при центральном комитете, который состоит исключительно из русских. Этот русский

announced by the British but was not acknowledged by the Chinese and they refused the appointment soon after his return.

In the meantime Stein was busy finishing his reports on his first expedition and planning another. He had visited Berlin on his return in 1901 and given useful information to Grünwedel, then preparing for the first Chinese Turkestan Expedition.²¹ Over the few years he elicited the participation of several scholars to write appendices in his forthcoming detailed report, met several scholars in Paris and gave a report at the 13th International Congress of Orientalists in Hamburg, where the Russian delegation included Oldenburg.²² The delegates passed a resolution extolling the importance and extraordinary riches of his work.²³ Soon after this Stein received a formal request from Radloff, acting in his position as a member of the Russian Committee and of the *Bulletin de l'Association Internationale pour l'Exploration de l'Asie Centrale et de l'Extreme Orient*. Radloff asked Stein if there was a possibility of founding a British National Committee. Stein forwarded this to Hoernle who

²² См. список делегатов из России: *Verhandlungen des XII Internationalen Orientalisten-Kongresses, Hamburg September 1902*, Leiden, 1904, S. 476–477; а также полный список конгрессов, которые продолжаются по настоящее время под другим названием: <http://www.umass.edu/wsp/sinology/conferences/icanas.html>

²³ См. доклад Стейна: *Verhandlungen. Op cit.*, pp. 85–87.

²¹ Karl Meyer and Shareen Bysac refer to the 'enduring collegial Stein' (*Tournament of Shadows*. London, 2001, p. 363). Stein later took credit for giving impetus to Grünwedel's expedition and the subsequent German government grant.

²² *Verhandlungen des XIII Internationalen Orientalisten-Kongresses, Hamburg September 1902*. Leiden, 1904. S. 476–477 for a list of delegates from Russia. <http://www.umass.edu/wsp/sinology/conferences/icanas.html> for a list of all the conferences (which continues to this day under a new name).

²³ See *Verhandlungen. Op cit.*, pp. 85–87 for Stein's report.

центральный комитет практически является подразделением российского Министерства иностранных дел²⁴.

Русские помогли немцам в организации проезда через территорию России осенью 1902 г. во время первой немецкой экспедиции²⁵. Хотя никаких русских экспедиций по-прежнему не предполагалось, после публикации общего отчета о своей экспедиции «Погребенные в песках руины Хотана», Стейн разослал его ведущим европейским ученым, включая Ольденбурга. Ольденбург тепло принял посылку и ответил на английском языке: «В течение последних нескольких лет я много работал над материалами из Хотана и Кашгара и способен оценить, сколь велики Ваши успехи. Я тут же начал писать статью о Вашей книге <...> Я с нетерпением жду появления Вашего большого отчета, отложив публикацию моего описания хотанской коллекции Петровского до тех пор, пока Вы не опубликуете свою книгу²⁶».

Замечания Ольденбурга относительно хотанской коллекции весьма любопытны. В своей книге Стейн описал, как в последние дни пребывания в Хотане в 1901 г. он допросил Ислама Ахуна и вынудил его сознаться в подделке «древних книг», и в факте продажи их Макартни, Петровскому и другим в 1890-е гг. Стейн информировал об этом Хёрнле, который немедленно прекратил работу над ними, но сумел спасти доверие к ним ученых, впервые дешифровав подлинные рукописи из Хотана на неизвестном иранском языке. Возможно, Ольденбург намекал на это в своем письме. О работе Стейна по раскрытию подделок было также доложено на Конгрессе 1903 г.

А. Стейн и С.Ф. Ольденбург были знакомы, по крайней мере, с 1890-х гг., когда последний только начинал свой путь в науке: имя Ольденбурга упоминается в списке корреспондентов Стейна за июль 1895 г., а его имя и должность — «приват-доцент университета в Санкт-Петербурге» — значится в адресной книге Стейна конца 1880-х гг.²⁷. Их научное общение развивалось в последующие десятилетия по переписке, хотя не сохранилось ничего, относящегося к периоду двух Туркестанских экспедиций Ольденбурга 1909—1910 и 1914—1915 гг. Перед началом Первой РТЭ Ольденбург консультировался у Грюнвелля и Пеллио, и, возможно, обращался к Стейну, а также информировал его о своих планах.

В 1904 г., не сумев войти в состав экспедиции Янгхазбенда в Тибет и узнав о намерениях немцев, русских и японцев (Макартни и европейские коллеги постоянно держали его в курсе событий), Стейн поспешил начать свою вторую экспе-

plied agreeing with Stein that he had no desire to be part of the scheme. Hoernle had been a member of the original committee formed in Rome but his name was omitted in Hamburg. Hoernle suggests this was not a mistake, hinting at some behind the scenes manoeuvring and continues: “If people don’t want my company, they cannot care for my advice. But I have a more urgent reason than this personal one. As I understand the bulletin, the international committee are simply advisory to the Central Committee which is exclusively Russian. This Russian Central Committee is practically a section of the Russian Foreign Office.”²⁴

The Russians had helped the Germans with travel arrangements through their territory during autumn 1902 on their first expedition.²⁵ There was still no Russian expedition planned but, after publication of his general account of his expedition, *Sand-Buried Ruins of Khotan*, Stein made sure to send copies to leading European scholars, including Oldenburg. Oldenburg acknowledged receipt with warmth (and writing in English): “I have been working all the last years a good deal on Khotan and Kashgarian matters and can quite appreciate how splendidly you have succeeded. I have immediately began to write an article on your book... I am waiting with impatience for the appearance of your large *Report* having postponed the publication of my description of the Petrovsky Khotan collections till you should publish your book.”²⁶

Oldenburg’s remarks about the Khotan collection are curious. In *Sand-Buried Ruins* Stein had described how, on his last days in Khotan in 1901 he had interrogated Islam Akhun and got him to confess to the production of the ‘ancient books’ which he and his colleagues had sold to Macartney, Petrovsky and others in the 1890s. Stein had informed Hoernle, who had immediately stopped work but managed to salvage scholarly credit by carrying out the initial decipherment of the genuine manuscripts from Khotan, in an unknown Iranian language. Perhaps Oldenburg was alluding to this in his letter. Stein’s work on uncovering the forger had also been reported at the 1903 Congress.

Stein and Oldenburg had been in contact since at least the 1890s when the latter was just starting his academic career: his name appears in Stein’s list of correspondents for July 1895 and his name and position ‘Privatdocent Universistät, St Pet.’ is in Stein’s address book dating to the late 1880s.²⁷ They were to develop their scholarly friendship through letters over the following decades, although there is nothing extant relating to the period of Oldenburg’s two Turkestan expeditions (1909—1910

²⁴ MS. Stein 85, ff. 97–98.

²⁵ См. письмо Хёрнле Стейну от 12 июня 1903 г. (MS. Stein 85, ff. 95–96). Автор выражает благодарность Урсуле Симс-Вильямс, обратившей ее внимание на эту переписку.

²⁶ См. письмо С.Ф. Ольденбурга Стейну от 13 сентября 1903 г. (MS. Stein 101, ff. 144–145).

²⁷ См. список писем от 11 июля 1895 г. (MS. Stein 129); а также одну из первых адресных книг Стейна (MS. Stein 131).

²⁴ MS. Stein 85, ff. 97–98.

²⁵ MS. Stein 85, ff. 95–96, letter Hoernle to Stein dated 12 June 1903. I am indebted to Ursula Sims-Williams for alerting me to this exchange.

²⁶ MS. Stein 101, ff. 144–145, letter from Oldenburg to Stein dated 13 September 1903.

²⁷ MS. Stein 129, list of letters sent on 11 July 1895. MS. Stein 131, Stein’s early address book.

дицию²⁸. Он решил, что близ городищ Хотан и Ния на южной ветви Шелкового пути уже было обнаружено достаточно много интересного материала. Но ему необходимо было что-нибудь новое, и он решил отправиться далее на восток, в провинцию Ганьсу, исследовать пути, ведущие мимо Лопнора и далее в Китай. Он также слышал от соотечественника о буддийском пещерном храме близ Дуньхуана (пров. Ганьсу) и решил включить этот памятник в свой маршрут. Это должно было привести его на территорию, которая в культурном отношении относилась к китайскому ареалу. При этом он был не единственным, кто интересовался Дуньхуаном: он знал, что немцы и французы также проявляют к нему интерес.

Официальная заявка А. Стейна по поводу экспедиции была представлена в октябре 1904 г., но к тому времени, когда он в 1906 г. отправился в экспедицию, русские последовали по стопам Клеменца и с некоторым запозданием присоединились к исследованиям европейских коллег в регионе. В 1905 г. в Кучу прибыл М.М. Березовский, ветеран в изучении Шелкового пути (хотя еще в июле 1904 г. Стейн полагал, что эту экспедицию возглавит Ольденбург). В Куче русские встретились со второй немецкой экспедицией (1904—1905) под началом Альберта фон Лекока, коллеги Грюнведеля по Музею народоведения. Возникли некоторые разногласия, так как немцы настаивали на том, что Грюнвель ранее заключил соглашение с русскими, разграничивающее поле их деятельности: немцы должны были вести раскопки возле Турфана, а русские — возле Кучи. Когда немцы прибыли в Урумчи, они обнаружили, что русские уже побывали в Турфане²⁹ и, решив, что договор нарушен, отправились в Кучу³⁰. После этого никто не пытался резервировать места раскопок по джентльменскому соглашению, что вызывало беспокойство Стейна, когда он готовился к своей второй экспедиции.

Это время было трудным для России: после поражения в русско-японской войне и попытки революции 1905 г., политика не могла не влиять на деятельность Березовского в Куче. Без сомнения, он также знал о посещении этих мест

and 1914—1915). Oldenburg consulted both Grünwedel and Pelliot in advance of the first, and it is probable that he also consulted Stein and kept him informed of his plans.

In 1904 having failed to get a place on the Younghusband expedition to Tibet and hearing of German, Russian and Japanese plans — Macartney and his network of European colleagues kept him informed — Stein chafed to get his second expedition off the ground.²⁸ He decided there was enough of interest on offer around Khotan and Niya on the southern route. But he also needed something new, and he chose to move further east into Gansu Province and explore routes through Lop Nor and into China. He had also heard of a Buddhist cave site in the region of Dunhuang, in Gansu Province, from a fellow countryman and decided to add this to his itinerary. This would take him into territory that was culturally part of the Chinese sphere. But he was not alone in his interest in Dunhuang: he heard that the Germans and the French were both showing interest.

Stein's formal proposal was submitted in October 1904 but by the time he set off in 1906 other Russians had followed Klementz and belatedly joined their European colleagues in their exploration of this region. In 1905 M.M. Berezovsky, a veteran Silk Road explorer, arrived in Kucha (although in July 1904 Stein had believed that Oldenburg would lead this expedition). The Russians found the Germans on their second expedition (1904—1905), led by Albert von Le Coq, Grünwedel's colleague at the museum. There was some dispute as the Germans held that Grünwedel had made a pact with the Russians concerning spheres of work, that the Germans could excavate around Turfan and the Russians around Kucha. When the Germans arrived at Urumqi they found that the Russians had already been to Turfan²⁹ and, feeling the pact had been broken, set off themselves to Kucha.³⁰ After this there was no pretence at reserving sites by gentleman's agreement, reflected by the anxiety shown by Stein when preparing for his second expedition.

This was a difficult time for Russia, in the throes of the Russo-Japanese war and with the attempted revolution of 1905, and politics can not have been far from the mind of

²⁸ Тогда Стейн считал Ольденбурга своим главным русским соперником: «Германское правительство, которое находилось под большим влиянием успеха, сопутствующего моему путешествию, направило в Турфан проф [фессора] Грюнведеля, которому, как я теперь понимаю, было выделено 3500 фунтов стерлингов на раскопки в том же регионе. Русское правительство, несмотря на трудности, готовит археологическую экспедицию в Кучу под началом проф [фессора] Ольденбурга, выдающегося индолога». (Из письма к Дж. Вилсону, секретарю департамента налогов и сборов правительства Индии, от июля 1904 г. См.: Mirsky J. *Op. cit.*, p. 210); Archaeological Survey of India, *Archaeology*, Oct. 1904, file 157, series a, nos 1—4.

²⁹ Коллекция Н.Н. Кроткова, русского консула в Урумчи и Кульдже, состояла в основном из уйгурских рукописей и нескольких фрагментов ранних кириллицы IX—XIV вв.

³⁰ Коллекция М.М. Березовского, хранящаяся в Санкт-Петербурге в ИВР РАН, насчитывает 1876 единиц.

²⁸ Although at this stage Stein believed Oldenburg would be his main Russian rival: "The German government which largely influenced by the success attending my journey had sent Prof [essor] Grünwedel to Turfan, now, I understand, has been allowed a fresh grant of £3500 for excavations in the same region. The Russian Government, even in its present difficulties, is preparing an archaeological expedition to Kucha under Prof [essor] d'Oldenburg, a distinguished Indologist." Quoted in Mirsky, J. *Op. cit.*, p. 210, from letter to J. Wilson (Revenue Secretary to the Government of India) dated July 1904; Archaeological Survey of India, *Archaeology*, Oct. 1904, file 157, series a, nos 1—4.

²⁹ The collection of N.N. Krotkov, the Russian Consul in Urumqi and Kuldja, contains mainly Uighur texts and a few fragments of early wood-printed books from the 9th to 14th centuries.

³⁰ Berezovsky's collection, now in St. Petersburg, numbers 1876 items.

двумя годами раньше последователями графа Отани, главы буддийского храма Ниси Хонгандзи в Киото³¹. Для Колоколова, русского Генерального консула в Кашгаре, ситуация была еще более напряженной, так как с осени перестала действовать железная дорога, и почта на его имя не доставлялась. Великобритания, конечно, в это время была союзником Японии. Колоколов продолжал отстаивать право решать экономические вопросы в Кашгаре, и в итоге пришел в столкновение с Макартни относительно признания торговых соглашений между подданными России и Великобритании. Колоколов настаивал на том, что они недействительны, пока не будут заверены русским консулом, и закончил дискуссию едким замечанием, что «здесь имеется русский консул, но нет британского»³². Начался новый период молчания между представителями двух держав, который продолжался целый год. Он закончился лишь в мае 1906 г., когда было заключено соглашение между Россией и Японией. Великобритания и Япония гарантировали целостность Китая и разделили сферы влияния в Афганистане и Тибете. Франция, Россия и Великобритания заключили Тройственное согласие. И, возможно, политика наконец перестала играть большую роль в делах исследователей Шелкового пути.

Стейн прибыл в Кашгар в июне 1906 г. уже после примирения представителей держав, и его доклад о встрече с Колоколовым весьма показателен: «С самого начала мне оказали самый дружеский прием»³³. В этих словах содержится тонкий намек на контраст с его встречей с Петровским в 1901 г., где проявление дружеских чувств отсутствовало начисто³⁴.

Несмотря на все сложности, Стейн силой воли победил в этом состязании и оказался первым европейцем, побывавшим в библиотеке пещерного храма в Дуньхуане, за что он теперь пользуется дурной славой, особенно в Китае. Но в то время, как он продолжал свою экспедицию, продвигаясь на север, другой русский исследователь, П.К. Козлов, направлялся к городищу на границе с Монголией, упомянутому Регелем, где еще не проводились раскопки и которое в будущем должно было дать такие же впечатляющие находки и доказательства существования почти забытой цивилизации. В марте 1908 г. Козлов достиг мертвого города Хара-Хото. Это был, несомненно, триумф русских исследований в Центральной Азии, возвестивший о начале научного тангутоведения.

Berezovsky in Kucha. He would undoubtedly also have heard of the presence there two years before of disciples of Count Otani, Buddhist Abbot of Nishi Honganji Temple in Kyoto.³¹ The situation was even more immediate to Kolokolov in Kashgar, as the railway stopped running in the autumn and his post from Russia ceased to get through. Britain, of course, was at this time an ally of Japan. Kolokolov continued to assert economic power in Kashgar and Macartney and he eventually clashed over the recognition of commercial contracts between the Russians and British subjects. Kolokolov demanded they were not valid unless attested by the Russian Consul and ended the discussion with the biting observation that 'there was a Russian Consul here and no British One'.³² Another period of silence started between the two representatives, this one lasting for a year. It was only ended in May 1906 after conventions between the Russians and Japanese. Britain and Japan guaranteed the integrity of China and settled spheres of influence in Afghanistan and Tibet. A Triple Entente followed between France, Russia and Britain. Perhaps finally politics would stop playing such a role in the affairs of the Silk Road explorers.

Stein arrived in Kashgar in June 1906, following the rapprochement, and his report of his meeting with Kolokolov, Russian Consul-General, is instructive: "I met from the first with the friendliest reception."³³ There is a gentle hint here at the contrast with his meeting with Petrovsky in 1901 where friendliness was not mentioned.³⁴

Despite his concerns, by dint of determination, Stein beat the competition and was the first European at the Dunhuang Library Cave, the site for which he is now infamous, specially in China. But as he continued his explorations to the north another Russian explorer, P.K. Kozlov, was on his way to a site on the border of Mongolia mentioned by Regel but as yet unexcavated which would reveal similarly spectacular finds and proof of an almost forgotten civilization. Kozlov reached the ruined city of Khara-Khoto in March 1908. This was undoubtedly the triumph of Russian activity in Central Asia and heralded the start of Tangut studies.

This was not the end of Russian and British exploration. Oldenburg finally managed to realize his dream of visiting the places he had so assiduously studied and he carried out two expeditions in 1909–10 and 1914–15. S.M. Dudin, the expe-

³¹ Японцы находились в Куче около четырех месяцев, с апреля 1903 г., проводя раскопки наиболее крупных памятников.

³² См. Skrine C. P. and Nightingale P. *Op. cit.*, p. 145.

³³ Stein, M.A. *Ruins of Desert Cathay*. London, 1912. Vol. 1, p. 110.

³⁴ Стейн также общался с женами обоих консулов и даже, по просьбе миссис Макартни, купил для госпожи Соковой кашмирские шали. См. письмо миссис Макартни Стейну от 31 января 1912 г. (MS. Stein 96, f. 52).

³¹ The Japanese stayed at Kucha for about four months from April 1903, excavating at the major sites.

³² Skrine and Nightingale, *Macartney in Kashgar*, p. 145.

³³ Stein, M. Aurel. *Ruins of Desert Cathay*. London, 1912. Vol.1, p. 110.

³⁴ Stein also got along with both the consul's wives, even purchasing Kashmiri shawls for Mrs Sokov at the request of Mrs Macartney (MS. Stein 96, f. 52, letter from Mrs Macartney to Stein dated 31st January, 1912.)

Но русские и британские исследования этим не завершились. Ольденбург, наконец, сумел воплотить в жизнь свою мечту и посетить места, которые он так упорно исследовал. В 1909—1910 и в 1914—1915 гг. он осуществил две экспедиции. С.М. Дудин, фотограф обеих экспедиций, выполнил прекрасную серию снимков³⁵, остальные участники исследований снимали планы, производили замеры и извлекали рукописи из пещерной библиотеки. Ольденбург сообщал об этом Стейну в письме, отправленном из Парижа в 1923 г.³⁶. Временной разрыв между экспедицией и письмом о ней не кажется удивительным, если помнить о событиях, произошедших в России в 1917 г. В 1914—1916 гг. Стейн организовал свою третью экспедицию: он вернулся в Дуньхуан и посетил северные городища Турфана и Кучи. Он разминутся с Ольденбургом, но о том, что они были совсем близко друг от друга, он написал в своем отчете, где со свойственным ему академическим великодушием отмечал: «Я не могу завершить этот отчет о моем новом путешествии туда, [в Дуньхуан], <...> не упомянув о чувстве удовлетворения, которое я испытал спустя приблизительно шесть месяцев, когда я, находясь далеко в Турфане, узнал от господина Сергея д'Ольденбурга о его приезде <...> со штатом компетентных художников и технических помощников. Целью его экспедиции было тщательное изучение и воспроизведение изобразительных и скульптурных памятников <...> Материал, собранный под руководством этого выдающегося ученого, имеет исключительную ценность для всех, кто изучает китайское искусство и буддийскую иконографию. Хотелось бы, чтобы публикация этих материалов не была отложена надолго»³⁷.

Это был единственный раз, когда Стейн скорее сам следовал по стопам других, чем прокладывал пути. Он отправился за Козловым, «очень проникательным русским путешественником», как он выразился³⁸, в Хара-Хото и обнаружил оставшиеся фрагменты рукописей, хотя в это время у него не было доступа к каким-либо подробным отчетам о раскопках Козлова. В 1925 г. Козлов послал Стейну свою книгу, опубликованную в 1923 г., на что Стейн заметил: «Незнание русского языка, к сожалению, не позволило мне точно определить, что нового сообщает глава XXV (если сообщает) о значении археологических находок»³⁹. В то же самое время Ольденбург послал Стейну свою книгу о буддийской иконографии. Хотя тангутские рукописи, привезенные Стейном, составили значительную коллекцию —

dition photographer, took an excellent set of images,³⁵ while the rest of the team made plans and measurements, as well as acquiring manuscripts from the Library Cave. Oldenburg tells Stein of these in a letter written from Paris in 1923.³⁶ The time gap between the expedition and this letter is not perhaps surprising given the events in Russia of 1917. Stein himself organized a third expedition between 1914—16 when he returned to Dunhuang and went to the northern sites of Turfan and Kucha. He missed Oldenburg but noted their proximity in his published reports with his typical scholarly generosity: “I cannot conclude this account of my renewed pilgrimage to this site [Dunhuang] ... without briefly recording the satisfaction I felt, about six months later, when far away in Turfan I learned from M. Serge d’Oldenburg of his arrival ... with a competent staff of artists and technical assistants. The purpose of his visit was a thorough study and reproduction of the pictorial and sculptural remains... The material collected under the direction of that distinguished scholar are certain to be of exceptional value to all students of Chinese art and Buddhist iconography. May their publication not be too long deferred.”³⁷

For once it was Stein who was to follow in the wake of others rather than leading the way. He followed Kozlov — ‘a very discerning Russian traveller’ in his words³⁸ — to Khara-Khoto and recovered fragments left behind although he had no access at this point to any detailed account of Kozlov’s excavations. In 1925 Kozlov was to send Stein a copy of his 1923 book, although Stein notes that his ‘regrettable ignorance of Russian does not allow me definitely to ascertain what additional information, if any, of archaeological import Chapter XXV ... furnishes.’³⁹ Oldenburg sent Stein a copy of his book on Buddhist iconography at the same time. Although the Tangut manuscripts acquired by Stein form a considerable collection — over 5,000 fragments — it does not come close to the outstanding Tangut painting and manuscript collections in St. Petersburg. Although these expeditions were not the last, they can be seen as marking the culmination of foreign exploration in the region.

There is no record of any correspondence or meetings between Stein and the other Russian Silk Road explorers such as the Berezovskys, but Stein continued his friendship with Oldenburg. In his 1923 letter Oldenburg writes: “I have read last year your splendid *Serindia* in our Oriental Society at Petrograd...” and closes the letter “with best wishes in old friendship.”⁴⁰ In 1925, as Permanent Secretary of the Russian

³⁵ 俄藏敦煌艺术品 Э цан Дуньхуан ишупинь (Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в России). Т. 4. Шанхай, 2000.

³⁶ См. письмо Ольденбурга Стейну от 13 сентября 1923 г. (MS. Stein 101, ff. 44–45).

³⁷ Stein, M. Aurel. *Innermost Asia*. Oxford, 1928, p. 361.

³⁸ Цит. по: Mirsky J. *Op. cit.*, p. 370.

³⁹ Stein M.A. *Innermost Asia*, p. 438, note 1.

³⁵ 俄藏敦煌艺术品 *E cang Dunhuang yishupin (Dunhuang Art Relics Collected in Russia)*. Vol. 4. Shanghai, 2000.

³⁶ MS. Stein 101, ff. 44–45, Oldenburg to Stein dated 13 September 1923.

³⁷ Stein, M. Aurel. *Innermost Asia*. Oxford, 1928, p. 361.

³⁸ Quoted in Mirsky, J. *Op. cit.*, p. 370.

³⁹ Stein, *Innermost Asia*, p. 438, note 1.

⁴⁰ MS. Stein 101, ff. 44–45, Oldenburg to Stein dated 13 September 1923.

*Субурган
в северо-восточном углу
города Хара-Хото.
Фото А. Стейна.
Британская библиотека,
392/29(95)*

*Stupas at the northwest
corner of the Khara-Khoto
city walls.
Photograph by Aurel Stein.
British Library,
392/29(95)*



свыше 5000 фрагментов — ее нельзя сравнить с собранием тангутской живописи и рукописей в Санкт-Петербурге. Это не были последние экспедиции иностранцев в Китайскую Центральную Азию, но их можно рассматривать как высшую точку зарубежных исследований в регионе.

Нет никаких сведений о переписке или встречах Стейна с другими русскими исследователями Шелкового пути, например, с Березовскими, но Стейн сохранял дружбу с Ольденбургом. В 1923 г. Ольденбург сообщал: «В прошлом году я прочитал Вашу великолепную “Сериндию” в нашей Коллегии востоковедов в Петрограде». Заканчивается письмо: «С наилучшими пожеланиями в память о нашей старинной дружбе»⁴⁰. В 1925 г. в качестве неперменного секретаря Российской Академии наук (должность, которую он занимал в 1904—1929 гг.) он подписал письмо (по-французски), информирующее Стейна о его избрании членом-корреспондентом. В письмо была вложена личная записка, написанная от руки по-английски: «В своем официальном письме сообщаю Вам, что мы избрали Вас (единогласно) членом-корреспондентом нашей Академии, что является знаком нашего искреннего восхищения Вашей блестящей работой в Центральной Азии»⁴¹. Он продолжал сообщать ему о недав-

Academy of Sciences (a post he held in 1904—29), he signs the letter (in French) informing Stein that he has been elected as a ‘membres-correspondants’ and includes a personal handwritten note in English: “My official letter tells you that we have elected you (unanimously) Corresponding Member of our Academy as a token of our sincere admiration for your splendid work in Central Asia.”⁴¹ He continues to tell him of recent Russian excavations in Mongolia. In 1929 they met in Paris, Stein acknowledging the meeting: “How grateful I am for the lucky chance which allowed me to meet you in Paris after all these years. The recollection of the delightfully stimulating hours spent in your company ... will always be cherished by me gratefully.”⁴² Oldenburg invited Stein to St. Petersburg several times but he never went.

By this time their friendship was such that they asked each other both scholarly and more personal favours. In the 1929 letter Stein encloses a letter from a young Russian scholar, Ivanov, who was cataloguing manuscripts at the Royal Asiatic Society

⁴⁰ См. письмо Ольденбурга Стейну от 13 сентября 1923 г. (MS. Stein 101, ff. 44—45).

⁴¹ Официальное извещение датировано 28 февраля 1925 г., письмо 7 марта 1925 г. (MS. Stein 101).

⁴¹ MS. Stein 101, official notification dated 28 February 1925 and letter dated 7 March 1925.

⁴² MS. Stein 101, letter Stein to Oldenburg dated 14 June 1929.

них русских раскопках в Монголии. В 1929 г. они встретились в Париже. Стейн писал об этом: «Как благодарен я счастливому случаю, который позволил мне встретиться с Вами в Париже после всех этих долгих лет. Воспоминания о восхитительных и продуктивных часах, проведенных в Вашем обществе <...> я всегда буду хранить с благодарностью»⁴². Ольденбург несколько раз приглашал Стейна посетить Петербург, но тот никогда там не был.

К этому времени их дружба приобрела такой характер, что они обращались друг к другу не только по поводу научных, но и личных одолжений. Например, в 1929 г. Стейн вложил в свое письмо обращение молодого русского ученого В.А. Иванова, который составлял каталог рукописей Королевского Азиатского общества в Калькутте, но хотел вернуться домой⁴³. Стейн просит Ольденбурга: «Возможно, Вы могли бы при случае дать мне лично знать, какие есть у него шансы вернуться; если Вы считаете такой вопрос рискованным или слишком трудным, чтобы на него ответить, пожалуйста, просто верните вложение в это письмо»⁴⁴. В результате все возрастающей политизации Академии Ольденбург в 1929 г. был смещен со своего поста, хотя и продолжил работу на посту директора Азиатского музея. В 1930 г. он стал директором Института востоковедения — новой реинкарнации Азиатского музея, где до сих пор хранятся рукописи, привезенные русскими экспедициями. Умер С.Ф. Ольденбург в 1934 г.

Таков краткий обзор лишь небольшого периода общей истории исследований на востоке Центральной Азии в начале XX в. Но, как мы надеемся, из него видно, что несмотря на все усилия ученых освободиться от политических пут, политика всегда присутствовала в их научной, профессиональной или личной жизни. Большинство из них зависело от государственного финансирования и поддержки, необходимых для проведения экспедиций, и не только со стороны собственных правительств. Единицы, такие как Стейн и Ольденбург, сумели не допустить, чтобы политическое противостояние омрачило их научное сотрудничество. Их отношения основывались на уважении. А взаимное уважение было также свойственно выдающимся исследователям Центральной Азии того времени, как и соперничество.

in Calcutta but longing to return home.⁴³ Stein asks Oldenburg: “Perhaps you could, on occasion, let me know privately what chance there is of his being able to return; if you think such a question indiscreet or too difficult to answer, please content yourself with simply returning the enclosed.”⁴⁴ In 1929 Oldenburg lost his post at the Academy as a result of its increasing politicisation, although he continued his association with the Asiatic Museum. In 1930 he became the Director of its reincarnation as the Institute of Oriental Studies where the manuscript finds from the Russian expeditions are still stored. He died in 1934.

This is a brief survey of just a small part of the picture of exploration in Eastern Central Asia at the start of the twentieth century but shows, I hope, that as much as the scholars might have tried to transcend its concerns, politics was never out of the picture in their scholarly, professional or private lives. Most were dependent on state funding and political support, not only from their own government, to enable their expeditions. Some, such as Stein and Oldenburg, managed to avoid letting political competition taint their scholarly collaboration. Theirs was a relationship of respect. And respect, I would argue, was just as characteristic a mood of this period as rivalry among the great names in Central Asian scholarly exploration.

⁴² См. письмо Стейна Ольденбургу от 14 июня 1929 г. (MS. Stein 101).

⁴³ Стейн познакомился с Владимиром Алексеевичем Ивановым (1886—1937) в Бухаре в 1915 г. После революции 1917 г. Иванов опасался вернуться в Россию и в течение нескольких лет жил в Иране. Затем он получил должность каталогизатора персидских и арабских рукописей в Калькутте, почти наверняка благодаря рекомендации Стейна. Стейн вел с ним оживленную переписку в 1920-е гг. Он писал для Иванова и другие рекомендательные письма, а также посылал ему деньги, чтобы тот мог оплачивать заказы, связанные с научной работой, в частности, покупку фотоаппарата. (Их переписку см. MS. Stein 86, ff. 157—211).

⁴⁴ Письмо от 14 июня 1929 г. (MS. Stein 101).

⁴³ Stein had met Vladimir Alekseyevich Ivanov (1886—1937) in Bukhara in 1915. Ivanov did not feel able to return to Russia after the Revolution and stayed in Iran for several years. He then acquired a post as cataloguer of Persian and Arabic manuscripts in Calcutta, almost certainly with Stein’s recommendation. Stein and he have a frequent correspondence throughout the 1920s. Stein writes other letters of recommendation for him and also sends him money for help with scholarly queries and, at one point, for him to buy a camera. For their correspondence see MS. Stein 86, ff. 157—211.

⁴⁴ MS. Stein 101, letter dated 14 June 1929.